

АРХИВ

Е. С. Соболева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ Ф. А. ФИЕЛЬСТРУПА (ПО ПИСЬМАМ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НАЧАЛА XX В.)

АННОТАЦИЯ. Статья основана на письмах и документах из семейных архивов и переписке участников Второй русской (студенческой) экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Эти материалы свидетельствуют об условиях становления молодых ученых. Федор Артурович Фиельструп сопровождал в качестве переводчика в экспедициях по России американцев ботаника Фрэнка Николаса Мейера (1910), антрополога Алеша Грдличку в 1912 г. (они поддерживали переписку до 1927 г.). Он научился экспедиционной логистике, приобрел навыки сбора коллекций, упаковки и транспортировки ящиков, фотографирования в поле, научился устанавливать и поддерживать контакты с информантами. В 1914 г. в Бразилии Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп собрали этнографические и лингвистические сведения об индейцах кадувео, терено, фая, каинганг. В 1915 г. Ф. А. Фиельструп совершил восьмимесячное плавание вокруг Латинской Америки на аргентинском военно-учебном фрегате «Президент Сармьенто». В 1916 г. он доставил в Россию собранные экспедицией этнографические коллекции, в том числе вещи, приобретенные С. В. Гейманом в Чили и Аргентине. Сложные экспедиционные поездки и работа с опытными специалистами мотивировали Ф. А. Фиельструпа и его коллег на выбор профессии (этнография) и сферы деятельности. Став тюркологом, Ф. А. Фиельструп продолжал практику длительных полевых исследований и сбора коллекций для музеев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф. А. Фиельструп, А. Грдличка, экспедиция, Г. Г. Манизер, В. В. Радлов, Музей антропологии и этнографии, Южная Америка

УДК 069.158:39(470.23-25)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-217-228

СОБОЛЕВА ЕЛЕНА СТАНИСЛАВОВНА — к.и.н., с.н.с. отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

Кадровая политика В. В. Радлова, который в конце XIX — начале XX в. привлекал к музейной этнографической и археологической работе широкий круг ученых, имела последствия, выходящие далеко за пределы академического Музея антропологии и этнографии. Молодые люди получили знания, возможность испытать себя и проверить свои навыки на практике, выбрать профессию. Показательна в этом плане история становления российского тюрколога Ф. А. Фиельструпа.

Академик Радлов обучил немало внештатных сотрудников. С 1895 г. при МАЭ приватно на постоянной основе занимались Е. Л. Петри и К. К. Гильзен, на временную работу были приглашены Н. М. Могилянский, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, С. М. Дудин и др. Они осуществляли разборку, каталогизацию, приведение в порядок коллекций. Некоторые — Н. И. Воробьев, А. И. Иванов (1906), С. Е. Малов (1909) работали в МАЭ безвозмездно. Поступить на государственную службу было непросто, и директор добивался прикомандирования к МАЭ конкретных лиц для сбора, регистрации и описания экспонатов (1907 — В. Н. Васильев, Е. М. Романова) с выплатой им ежемесячного жалования. Ряд сотрудников, прикомандированных для помощи ученому персоналу (1909 — В. И. Каменский, К. В. Щенников), были приняты в штат после организационной реформы АН. Круг лиц, получавших доступ к работе с коллекциями и книгами МАЭ, постепенно расширялся. Этой привилегией пользовались студенты Санкт-Петербургского Императорского университета и других учебных заведений.

Очевидно, Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937), окончивший Императорский Санкт-Петербургский университет по физико-математическому факультету разряда естественных наук (1911), способствовал знакомству студентов своего факультета с директором и сотрудниками музея. Б. Э. Петри приватно работал в МАЭ с 1910 г. и 4 марта 1914 г. был причислен на службу по Министерству Народного Просвещения и откомандирован для занятий в МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915). Д. 63. Л. 2–2 об.). В МАЭ обратились за консультациями и помощью собравшиеся в начале 1914 г. в Южную Америку его сокурсники Генрих Генрихович Манизер (1889–1917) и Федор Артурович Фиельструп (1889–1933). Товарищем по училищу последнего был зоолог Николай Парфентьевич Танасийчук (1890–1960) (Танасийчук 2003: 9). Молодые люди познакомились в кружке молодых биологов при Биологической лаборатории им. П. Ф. Лесгафта в Петербурге с ассистентом профессора С. И. Метальникова Иваном Дмитриевичем Стрельниковым (1887–1881). Пятым участником экспедиции стал студент Бехтеревского психоневрологического института Сергей Вениаминович Гейман (1887–1975), который уже имел опыт сотрудничества с МАЭ, проводил там экскурсии для школьных групп, имея Открытый лист МАЭ (1913), привез этнографические коллекции из студенческих поездок (из Китая, Кореи, Японии, Индии, Новой Гвинеи, Бурятии).

Ранний период становления будущих ученых известен недостаточно. Материалы Научного архива МАЭ и сохраненные в семьях уникальные документы (Стрельникова и др. 2017; Танасийчук 2003) позволяют устранить некоторые неточности в биографиях. Письма, заметки и другие документы Манизера, Фиельструпа, Геймана из экспедиции в МАЭ (на английском, немецком, французском, испанском и португальском языках) отчасти заполняют лакуны в истории экспедиции, уточняют даты, топонимы и имена.

В июне 2017 г. Наталия Марковна Манизер передала в МАЭ биографический очерк, фотографии, копии писем из экспедиции своего дяди (фактически это дневник, написанный для младших братьев и сестры). Манизер окончил с золотой медалью гимназию, а также вечернюю начальную рисовальную школу Штиглица (где преподавал его отец художник Г. М. Манизер), виртуозно играл на скрипке, владел музыкальной грамотой и, обладая абсолютным слухом, мог записать любую мелодию, в семье обучался немецкому и французскому языкам. В университете (с 1907 г.) он также слушал курс по историко-филологическому факультету, посещал лекции в Психоневрологическом институте, где стал интересоваться языковедением. Он прекрасно плавал, ездил верхом. В июне 1912 г. Манизер побывал на Северном Кавказе, прошел по горам до Красной Поляны. Сестра Галя вспоминала, что он «был настоящий поглотитель знаний», что «к своим талантам Генрих

Генрихович был равнодушен, он просто все делал в превосходной степени, а про искусство говорил: “Искусства только в помощь науке!”, “Всё для науки!”» (Широкова: 2). Встречая новый, 1914 г., он объявил семье о плане кругосветного путешествия: «Мы, дети, только примечали, что брат закупает, например, такие невиданные в его руках предметы, как пуговицы крупные, яркие, твердые, последнее проверялось пробой на зуб. (Как будут проверять те племена, куда он едет). Цели были обширные: этнография, музыка, лингвистика, естествознание, и всё это надо было утолить» (Широкова: 5).

Нина Ивановна Стрельникова последовательно передает в Научный Архив РГО научное наследие своего отца. Среди бумаг И. Д. Стрельникова имеются материалы Манизера, который, уходя в армию, передал ему свои записи, материалы по зоологии, лингвистике и этнографии индейских племен, и Геймана.

В 1990-е гг. А. Д. Дридзо (1992; 1993; 1996а; 1996б; 1996в; 1997; 1998; 2000; 2001; Фиельstrup 1995; 1999), Е. А. Ершова (Фиельstrup 2005), Т. В. Волкова (2001) ввели в научный оборот фрагменты записок Ф. А. Фиельструпа, Н. Ч. Таксами — С. В. Геймана (Таксами 2010) из Архива МАЭ. Но этот этап жизни и деятельности путешественников пока изучен недостаточно.

Мотивацию и настроения молодого Ф. А. Фиельstrup раскрывают его письма. Сын датчанина и англичанки, он окончил коммерческое училище (1908 г.), учился на факультете Восточных языков и на германо-романском отделении историко-филологического факультета университета. Подрабатывал как переводчик, репетитор (Fjelstrup: 35). Библиотекарь Особой коллекции Национальной сельскохозяйственной библиотеки США (National Agricultural Library Special Collections) Дайен Вунш (Diane Wunsch) выявила переведенную на английский язык Фиельstrupом в 1913 г. (Там же: Л. 37) книгу о технологии мукомольной промышленности (Koz'min 1917). Очевидно, это вариант книги преподавателя кафедры мукомольного производства Московского технического училища П. А. Козьмина «Мукомольное производство» (Киев, 1912). Фиельstrup свободно говорил по-немецки и по-французски. В письме родным 14 ноября 1914 г. Манизер констатировал, что «Фиельstrup болтает по-английски лучше, чем по-русски» (Дневник: 114). Пересекая Атлантику, Фиельstrup брал уроки испанского у пассажиров-аргентинцев. Переписку с матерью и братом он вел по-английски, но с января 1915 г. — «по-русски, т. к. не знаю правил нашей цензуры, — слышал, что на иностранных языках письма задерживаются дольше» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 37).

В Национальном антропологическом архиве Смитсоновского института в Вашингтоне хранится комплекс переписки Грдлички с Фиельstrupом, более 60 писем, охватывающих период с 1912 по 1927 гг. Эти письма свидетельствуют, что навыки экспедиционной работы, логистики и полевых исследований Фиельstrup получил, работая переводчиком у двух крупных американских ученых, путешествовавших по России. На этих поездках остановимся подробнее.

Ранее ошибочно утверждалось, что Фиельstrup сопровождал американского ботаника Миллера. Это указано в составленной С. И. Руденко рекомендации от 5 октября 1921 г. для избрания Фиельструпа, тогда преподавателя Томского университета, на должность ассистента Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российский Этнографический музей) (Научный архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 286. Л. 1). На самом деле в России в 1909–1911 гг. работал ботаник Фрэнк Николас Мейер (Frank Nicolas Meyer, 1875–1918), который по заданию Министерства сельского хозяйства США (USDA) и Ботанического сада имени Арнольда (Arnold Arboretum) Гарвардского университета собирал в Азии семена и отростки декоративных деревьев и кустарников, фотографировал деревья и пейзажи, притом подробно документировал и архивировал фотоснимки.

Осенью 1909 г. Мейер из Санкт-Петербурга направился в Крым, в сопровождении помощника и переводчика на пароходе пересек Черное море и четыре месяца собирал коллекции на Кавказе. В мае 1910 г. Мейер перебрался в Баку, оттуда в Туркестан, Синьцзян, Джунгарию, Монголию, Сибирь, на Волгу и вернулся в США в марте 1912 г. (Cunningham 1986). Они обменивались письмами до гибели Мейера в Китае в 1918 г.

Мейер рекомендовал Фиельструпа в качестве переводчика д-ру Алешу Грдличке (Aleš Hrdlička, 1849–1943), главе отдела физической антропологии Национального музея естественной истории в Вашингтоне. Тот письмом от 13 мая 1912 г. предложил Фиельструпу сопровождать его в июле 1912 г. в поездке в Минусинск, по Сибири и в Монголию (Fjelstrup: 4). Целью поездки была подготовка отдела масштабной Панамо-Калифорнийской выставки, посвященной завершению строительства Панамского канала. В 1912 г. Грдличка был приглашен подготовить для этой выставки раздел по физической антропологии. Будучи автором гипотезы о заселении Америки из Евразии через Берингов пролив, на выделенные средства организовал и отправил семь экспедиций для изучения коренного населения: Грдличка отправился в Сибирь и Монголию (1912 г.), затем в Перу (1913 г.); Райли Д. Мур (Riley D. Moore) — на остров Св. Лаврентия и Аляску; Филипп Ньютон (Philip Newton) — на Филиппинские острова; Войтех Сук (Vojtech Suk) — в Африку; Станислав Понятовский (Stanislaw Poniatowski) — в Восточную Сибирь; Казимир Столиво (Kazimierz Stolyhwo) — в Бирюсинские пещеры в Сибири и на Украину; Йиндржих Матейка (Jindřich Matiegka) — в Богемию. Представителей разных рас фотографировали в фас и в профиль, были проведены антропологические измерения, изготовлены бюсты, заказаны слепки скелетных останков, осуществлен обмен антропологическими и этнографическими коллекциями между музеями.

В ответном письме 10/23 июня 1912 г. (Fjelstrup: 3) Фиельstrup согласился на поездку длительностью шесть недель за ту же плату — 100 руб. в месяц с компенсацией всех расходов. В его обязанности входили также упаковка коллекций и негативов на стеклянных пластинках, таможенное оформление, отправка ящиков в Вашингтон. Делать это было непросто. Фиельstrup вел деловую переписку с инспектором А. В. Барташевым (преподаватель Александровского реального училища), полковником А. Д. Хитрово (пограничный комиссар в Кяхте), фольклористом А. Д. Корнаковой (Батоцыренов 2015) из Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО (действительным его членом Грдличка был избран в 1913 г.), с фотографом из Минусинска Н. В. Федоровым, который затянул отправку заказанных ему фотоснимков до 1914 г. (Fjelstrup: 55). В Национальном антропологическом архиве Смитсоновского Института хранится 360 фотографий монголов и тибетцев, сделанных в ходе экспедиции Грдлички в Сибири и Монголии (Урга). Фиельstrup помогал в переводе и отправке в Кяхту научных статей Грдлички. Благодаря его рекомендации Фиельstrup был представлен князю Ф. К. Ухтомскому и профессору Ф. К. Волкову (посещал его лекции по физической антропологии и этнографии с 1913 г.) в Музее Александра III (Там же: 43–2), академику Радлову в МАЭ.

Этнография привлекала его больше. 10/23 декабря 1913 г. Фиельstrup писал Грдличке: «Я не совсем понимаю, почему вы думаете, что археология подойдет мне лучше всего; мое желание и надежда — стать этнографом, т. е. собирателем материалов из живой жизни, так сказать, и увидеть как можно больше уголков земли, где солнце сияет.

Вероятно, у меня скоро будет больше работы в Музее. “Каталоги” находятся в печальном состоянии, и они хотят представить систему карточек для разных предметов. Мой друг и я, вероятно, будем заниматься этой работой под присмотром сотрудника Музея, и мы будем иметь удовольствие вынимать предметы из стеклянных шкафов, изучать их и делать их описание на карточках. Думаю, что Австралия станет нашей отправной точкой» (Fjelstrup: 44).

Все эти навыки и контакты были максимально использованы при полевой работе в Южной Америке, итоги которой оказались весьма успешными. Но еще за месяц до отъезда, 4 марта 1914 г. Фиельstrup просил совета у Грдлички: «Наш маршрут пока не определен четко, завтра или в один из следующих дней мы начнем его разработку с помощью некоего г-на Баклунда (инженера), который только что возвратился из двухлетнего путешествия в регионы, которые мы намерены посетить».

Повторяю, мы будем очень благодарны за любые советы, которые Вы могли бы нам дать. Маршрут, способ передвижения, климат и т. д., и т. п. Нас будет 3-4 человека. Помимо сбора этнографического материала, уделим должное внимание миру животных и насекомых (один из нас — натуралист). Наши карманы не переполнены, и мы сейчас пытаемся найти самый дешевый способ достичь Южной Америки. И временем мы также не богаты: от начала до конца мы не должны превысить 6 месяцев.

Будучи неизвестными Музею в свете серьезных поисковых работ, мы можем ожидать очень скромной помощи от них. На прошлой неделе я провел 3 дня в Москве и поговорил с несколькими людьми, которые обещали сделать все возможное для нас. Я только что написал в Данию, чтобы узнать, не будет ли у нас шансов разработать наш проезд или, по крайней мере, проехать как пассажиры по более низкой цене, чем на обычном пассажирском судне. Мои товарищи посещают здесь представителей Аргентины, чтобы получить письма, подтверждающие, что мы не эмигранты и т. д.» (Fjelstrup: 56–57).

За короткий срок студенты собрали в России средства на дорогу, получили удостоверение на этнографическую работу в Аргентину, Парагвай и Боливию для сбора этнографических коллекций от МАЭ, Открытый лист от Русского антропологического общества при Петербургском университете, десяток рекомендательных писем к аргентинским ученым, а также «заказ (и деньги) из Ботанического сада Батуми (Кавказ), чтобы купить и привезти серию живых растений из Чили» (Fjelstrup: 60–61).

10 апреля 1914 г. (по старому стилю) пятеро студентов отправились за океан из Либавы на пароходе «Казань» под датским флагом (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 3). Тяготы их не пугали, а даже забавляли. Когда в Лондоне запретили перегрузку на пароход «Arlanza» их запасов спирта (как легковоспламеняющегося вещества), Фиельstrup сумел продать спирт за сумму, покрывшую уплаченную таможенную пошлину и «деньги, потраченные на такси и извозчиков, перевозящих ящики с места на место» (Там же. Л. 8). Фиельstrup стал кассиром экспедиции (Там же. Л. 5 об.), распорядился общим капиталом. Часть багажа и денег студенты предусмотрительно оставили в Буэнос-Айресе у редактора русской газеты «Аргентинская жизнь» А. Д. Жаботинского и у начальника транспортной службы А. Я. Павловского, в Асунсьоне — у редактора газеты экономиста Р. А. Риттера, в Барранко-Бранко — у владельца скотобойни дона Рита (Riet) (Там же. Л. 35). Эта мера позволила им жить и работать там в течение года, оплатить возвращение в Россию.

Поверенный в делах России в Аргентине Е. Ф. Штейн и аргентинские коллеги-ученые помогли скорректировать маршрут и добились 25-процентной скидки на билеты и провоз багажа экспедиции до города Корумба в Бразилии. Студенты отбыли из Буэнос-Айреса 16 июня 1914 г. по новому стилю (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 21). Директор Этнографического музея при университете Буэнос-Айреса Х. Б. Амбросети дал денег на покупку предметов, ему полагалась треть собранных экспедицией этнографических предметов (Fjelstrup: 82). Директор Ботанического сада в Асунсьоне К. Фибрих-Герц выделил средства на покупку растений, а Р. А. Риттер устроил зоологам бесплатный проезд и провоз багажа в Пуэрто Бертони (Парагвай), где они жили с декабря

1914 по 6 июля 1915 г., и обратно в Буэнос-Айрес. Грдличка письмом 27 апреля 1914 г. в Императорское Российское консульство в Буэнос-Айрес рекомендовал обратиться в Аргентине к Ф. П. Морено и в Музей Ла Платы к профессору С. А. Лафоне-Кеведо, в Бразилии — к директору музея Сан-Паулу профессору Г. фон Иерингу, в Парагвае — к Ф. К. Майнтэузену, в Чили — к доктору М. Уле, в Перу — к археологу Х. С. Тельо Рохасу (Fjelstrup: 63–64). Фиельструп встретился со многими из них.

Этнографические маршруты Фиельструпа оказались весьма непростыми. Из Буэнос-Айреса 27 мая 1914 г. он восторженно писал матери: «Когда я оглядываюсь на свои две поездки, предшествующие этой, я считаю, что с того вечера, когда мы шли с Мейером в Ялту, я никогда не испытывал таких ощущений, какие наполнили меня сейчас» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 18). Молодые люди жадно воспринимали знания, стремились к новым впечатлениям и опыту. Эти настроения выражены в письме брату Эмилю из Буэнос-Айреса 22 января 1915 г.: «О своих университетских делах ничего не знаю и, по правде сказать, мало забочусь, т. к. еду опять учиться, а познания, котор[ые] я здесь приобретаю, важнее диплома, кот[орый] мне собственно и не очень нужен, т. к. на государственную службу я не собираюсь поступать — потом виднее будет» (Там же. Л. 31 об.–32).

В конце июля 1914 г. члены экспедиции разделились. Зоологи работали самостоятельно в Бразилии, Боливии, Парагвае. К сожалению, 30 октября 1914 г. в реке Парагвай утонул багаж Манизера и Фиельструпа, в том числе все этнографические материалы, собранные в первые три месяца экспедиции, «добытые умом, хитростью и старанием». Манизер пишет: «После крушения опять надо собирать коллекции, да и язык, жаль бросать таким нелепым образом — вот вам и тема для новых планов» (Дневник: 122).

Экспедиционный дневник С. В. Геймана № 1 (21 июля — 4 октября 1914 г.) оказывается, пожалуй, наиболее полным источником по начальному этапу путешествия, который студенты-этнографы совершили совместно (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 2). 12 августа 1914 г. Гейман отделился от группы и отправился в путешествие по странам американского континента. Будучи невероятно энергичным и общительным, но не владея иностранными языками, он обладал даром коммуникации, поражал собеседников любознательностью; парагвайский политик Магин Понс (Magin Pons) назвал его «*erudito Geiman*» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 73).

В Америке Фиельструп пережил личную трагедию. Почта из Европы поступала на адрес Императорского Российского консульства в Буэнос-Айресе крайне нерегулярно, и лишь накануне 1915 г. Фиельструп узнал, что мать, которой он отовсюду писал подробные письма, скончалась от сердечного приступа в начале сентября 1914 г., и не мог себе простить, что его не было рядом; старший брат Эмиль женился и переехал в Москву; единственное, что Фиельструп просил сохранить, — это книги, вещи, связанные с путешествиями, и три абиссинские картины (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 31), обмененные Н. С. Гумилевым на его монгольские буддийские танки (Танасийчук 2003: 235).

Срок действия обратных билетов заканчивался, в декабре 1914 г. этнографы бросили жребий, Манизеру выпало остаться в Бразилии (Соболева 2016), а Фиельструпу — вернуться в Буэнос-Айрес для подготовки собранных материалов к отправке в Россию (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 411. Л. 33). Пароход не остановился в Барранку-Бранку ради погрузки ящиков с вещами экспедиции, и планы опять пришлось корректировать. Молодые ученые решили не возвращаться в Россию, но, максимально экономя на всем, продолжить работу, пока не будут удовлетворены результатами.

Составленный Манизером для МАЭ в начале 1915 г. промежуточный отчет и высокая его оценка российским посланником в Бразилии П. В. Максимовым подвигли академика Радлова найти средства для возвращения студентов. В частности, 600 руб. дал член Попечительного совета МАЭ Э. Л. Нобель (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 195. Л. 2). Остававшиеся в Аргентине средства Фиельструп поделил между участниками экспедиции: «Послал чек Стрельникову и просил его прислать индоссированным¹ опять бар[ону] Энгельгардту, кот[орый] обещал взять деньги из банка. Теперь у Павловского остается только золото на обратный проезд четырех и 596 песо Ботан[ического] Сада (надеюсь, Вы [Гейман. — Е. С.] приостановили покупку растений в Чили). Манизерову часть золота послал ему в песо. Итак, все деньги, могущие идти в ход на земле, находятся по рукам» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 2. Д. 410. Л. 35). Выделенные 1 000 руб. студенты получили уже в Петрограде и выплатили долги, в том числе вернули 300 руб. пермскому меценату Н. В. Мешкову (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 411. Л. 32 об.).

Если начало экспедиции хорошо отражено в источниках, то о завершении ее известно гораздо меньше, в частности, точные даты возвращения в Россию не были установлены. Из Буэнос-Айреса зоологи отбыли 6 августа и в начале сентября прибыли в Англию, более месяца работали в Британском музее и библиотеках, в начале октября погрузили коллекции на военный транспорт «Цесаревич Алексей» и в 20-х числах октября 1915 г. вернулись в Петроград (Стрельникова и др. 2017: 71). Манизер отбыл из Ла-Платы 2 октября на пароходе «Dargo» в Ливерпуль, прибыл в Петроград 6 ноября 1915 г. (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 60).

Пройдя уникальную экспедиционную школу, Фиельструп был готов к путешествиям: «свет велик и полон вещей, которые я намерен видеть — а для этого казенная служба не подходит» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 36). Он согласился на предложение Х. Б. Амбросетти в начале 1915 г. «в качестве лица, командированного здешним музеем для археологических раскопок и т. д., идти на военно-учебном судне “Presidente Sarmiento” в дальнее плавание» (Там же. Л. 36) вокруг Южной Америки. Накануне отъезда, поселившись при русской православной церкви, Фиельструп читал «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова из библиотеки настоятеля о. К. Г. Изразцова. «Я очень рад случаю познакомиться с новыми странами, и, надеюсь, наши остановки будут настолько продолжительны, что позволят увидеть не только одни порты, а идти и вглубь страны» (Там же. Л. 31 об.). Во время стоянок Фиельструп по возможности должен был производить археологические раскопки. Он писал Магину Понсу в Барранку-Бранку из Петрограда 5/18 января 1917 г. [перевод с испанского. — Е. С.]: «Результаты моей поездки, некоторые археологические коллекции с побережья Патагонии, Огненной Земли (Ушуая) и Перу, где я делал раскопки в древних городах Пачакамак и Кахамаркилья, я передал Музею факультета философии и филологии, директор которого доктор Амбросетти был моим “покровителем” в этой поездке» (Там же. Л. 56).

По иронии судьбы Фиельструп получил возможность осмотреть в США две выставки в ознаменование открытия Панамского канала. Фрегат “Presidente Sarmiento” в июне 1915 г. зашел в Сан-Диего (США), где Фиельструп посетил великолепнейшую Панамо-Калифорнийскую выставку (Panama — California Exposition. The Completion of the Panama Canal. San-Diego, California, 1915) и высоко ее оценил. «Часть ее посвящена человеку, т. е. антропологии, и материал для нее отчасти взят и из добычи д-ра Хердличка [Грдличка. — прим. ред.] в Монголии, где с ним был я. По правде сказать, доктор Х[ердличка] мне часто говорил о том, что одной из целей его поездки в Монголию является подготовка этой выставки, только я не обращал на это много внимания, т. к. мне и не

¹ Индоссировать (фр. *endosser*, от *en* — на, и *dos* — спина) — переводить вексель посредством передаточной надписи.

снилось, что судьба занесет меня туда. Эта выставка посвящена исключительно западн[ым] штатам, и, кроме Японии, Китая да маленького уголка Кавказа, других стран не видать. Она очень красива и поучительна, и мои два дня целиком ушли на нее» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 41). Он имел возможность сравнить ее с Панамо-Тихоокеанской международной выставкой (Panama-Pacific International Exposition) в Сан-Франциско. И этот опыт, как видим, в будущем пригодился Фиельструпу при работе в музеях, подготовке выставок, преподавании.

Учебное плавание заняло восемь месяцев. Фиельструп вернулся в Буэнос-Айрес 10 октября 1915 г. и в течение полутора месяцев завершал дела. 22 ноября 1915 г., забрав последние 11 ящиков с коллекциями, он отплыл из Ла-Платы на пароходе «Demerara» в Ливерпуль, оттуда русским грузовым пароходом в Александровск (ныне город Полярный Мурманской обл.), откуда отправил по почте ящики в МАЭ и через Норвегию добрался в Петроград к началу февраля 1916 г. Его путь из Аргентины в Россию длился два с половиной месяца (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410. Л. 55–55 об.).

В Петрограде все четверо «экскурсантов» выступили с сообщениями на семинарах, в студенческих и научных обществах, опубликовали заметки об экспедиции в периодических изданиях, частично обработали собранные для музеев материалы, выпустились из Университета (Манизер и Фиельструп — в 1916 г., Танасийчук — в 1918 г.). За доклады в РГО 13 мая 1916 г. трое студентов были удостоены Золотых медалей РГО; Танасийчук находился в противосаранчевой экспедиции профессора Уварова в Закавказье и выступить с докладом не мог (Танасийчук 2003: 230). Гейман работал приемщиком снарядов на военном заводе в Линдхерсте (США). Как и предсказывал Манизер, миллиардера из него не получилось: «Ибо хотелось бы иметь и миллиардера своим знакомым, но я Вас слишком хорошо знаю, чтобы не видеть, что Ваша жажда впечатлений и шагания по свету поглотит все миллиарды!» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 411. Л. 32 об.).

Молодые люди восторженно приняли Февральскую революцию. Чувства Фиельструпа изложены в письме Грдличке 14/27 мая 1917 г.: «Старая, шаткая, пустотелая пирамида, столь ненавидимая всеми честными русскими, с такими болезненными и все же неэффективными усилиями, постоянно поддерживаемыми здесь и там, чтобы спасти ее от катастрофы, залатанная, превратилась в кучу мусора и трухи. Она больше не могла стоять и не выдержала первого удара по своему основанию. Я не пророк, особенно в политическом вопросе, и я не знаю, какие страдания, возможно, придется претерпеть моей стране, прежде чем она восстановит равновесие в гораздо лучшем состоянии, но я абсолютно уверен, что худшее позади. Так что, завершение революции, как та, свидетелями которой мы оказались, не может произойти, не причинив большой боли. Продолжающийся процесс был успешно завершен, однако внутреннее преобразование требует несравненно больших усилий и несравненно большего периода времени. Но одно можно сказать наверняка: одни резким рывком мы выпрыгнули из глубокой изношенной колеи, в которой мы бегали тупо, едва надеясь на лучшее будущее, и теперь мы свободны наметить новый курс в направлении, которое мы можем выбрать на широкой магистрали истории. Несколько опьяненные нашим неожиданным счастьем, непривыкшие быть властелинами и полными хозяевами наших собственных конечностей, мы можем неловко спотыкаться и падать, или желать идти во многих направлениях одновременно, но в свое время, будучи молодыми и сильными, мы выберемся из пыли, найдем правильное направление и пройдем вперед твердым шагом» (Fjellstrup: 136–137). Выписку из этого письма Грдличка отправил редактору газеты «The Evening Star», и она была опубликована в начале октября.

В день великой забастовки, начавшей Февральскую революцию, Фиельструп был призван в армию и записан солдатом в пехотный полк. «Муштра не занимает все мое время, конечно,

поэтому в свободное время я принимаю участие в работе по обучению наших неграмотных товарищей. Почти у каждого полка есть образовательное общество, которое пытается распространить среди непросвещенной массы солдат определенное количество информации самого элементарного характера, объяснить им смысл Революции, ее последствия и т. д. И научить тех, кому это нужно (а таких много, знаете ли), читать и писать. Эта схема растет и расширяется и, я надеюсь, принесет хорошие результаты» (Fjelstrup: 136).

Фиельstrup посещал Эрмитажный кружок (основан в 1910 г.), участники которого намеревались разработать экскурсии по музеям для рабочих. Первую экскурсию для взрослых учащихся школы для рабочих он провел в декабре 1913 г., участвовал и во 2-м Всероссийском съезде учителей (Fjelstrup: 43–2). Вместе со своими друзьями Н. П. Анциферовым, Г. А. Бонч-Осмоловским и другими он включился в практическую просветительскую работу, организацию Первого Матросского университета Союза солдат-республиканцев для матросов, делегированных почти со всех флотов. Занятия первой очереди проводились 5–30 августа 1917 г. Это были месячные образовательные курсы для матросов, которым предстояло стать агитаторами — поддерживать на выборах в Учредительное собрание кандидатов «социалистического направления» (Платонова 2016: 114). При Временном правительстве Фиельstrup стал членом Совета Союза солдат-республиканцев (Там же: 116). 17 августа 1917 г. он уведомил дирекцию МАЭ, что в Петроградском Матросском университете «курс лекций по общественно-экономической тематике для матросов, специально приехавших из разных морей», читался до 26 августа. Занятия велись ежедневно по вечерам, утро же оставалось свободно для экскурсий по музеям, заводам и т. п. Он просил открыть на эти часы МАЭ для организуемых им групп численностью по 30 чел., занятия обещал вести «с объяснением и под нашим надзором» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 72. Л. 17).

И. Д. Стрельников также надел солдатскую шинель, позже был прикомандирован к Институту экспериментальной медицины, затем заведовал «Курсами Лесгафта для рабочих», на которых обучалось около 400 рабочих разных заводов. Курсы были одним из трех центров рабочего просвещения в Петербурге и тайным центром революционной пропаганды. Стрельников стал генеральным секретарем Революционного комитета Курсов Лесгафта (Стрельникова и др. 1917: 75–76), впоследствии преобразованных в Географический институт (1918) (Там же: 77).

Манизер поступил в армию вольноопределяющимся в качестве дивизионного метеоролога и умер от тифа на румынском фронте 21 июня 1917 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 480 об.).

С 1918 г. Фиельstrup работал (внештатно) в Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран Академии наук (Кармышева 2002: 156). В конце февраля 1918 г. он покинул Петроград почти на четыре года и кратко сообщил Грдличке 12 декабря 1921 г.: «В течение этого длительного периода у меня были разные профессии, не всегда соответствующие моим склонностям, но это было неизбежно, и нельзя было ожидать, что будет позволено выбирать. Сцена выходит за пределы Урала» (Fjelstrup: 112). По воспоминаниям его жены Е. М. Пещеревой, Фиельstrup в Сибири был мобилизован и стал переводчиком при французском генерале, представлявшем Антанту в ставке адмирала Колчака (Танасийчук 2003: 235). Однако в годы Гражданской войны он занимался изучением и составлял карту этнического состава населения Приуралья (1918–1919) и Томской области (1920), собирал фольклор и этнографические коллекции, преподавал в Томском университете, участвовал в раскопках курганов бронзового века под руководством С. И. Руденко (1985–1969) — ученика и преемника проф. Волкова в Петроградском университете. Летом 1920 г. Фиельstrup изучал киргизов Тургайского региона, осуществил антро-

пометрические измерения 500 человек (Fjelstrup: 113). 28 октября 1921 г. по рекомендации Руденко был избран на должность ассистента III Отделения Этнографического отдела Русского музея (Научный Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Л. 49), заведовал фондом экспедиционного снаряжения (Там же. Л. 70), делал экспозиции по культуре киргизов и башкир (1922) (Fjelstrup: 117), неоднократно выезжал в экспедиции для сбора этнографических материалов в Смоленской губернии, Туркестане, Казахстане и т. д. Преподавание же он прекратил.

Мотивация, выбор Фиельструпом специальности (тюркология) и изучаемого региона, как видим, базируются на богатом практическом опыте. Он многому научился у тех ученых, которых сопровождал в путешествиях, — ботаника Ф. Н. Мейера и антрополога А. Грдлички. Увоенные им навыки и методы полевой работы были закреплены в экспедиции в Южную Америку. Для Ф. А. Фиельструпа стало привычным и естественным отправляться в длительные поездки в поле (Среднюю Азию, Крым, на Кавказ) и проводить разные виды исследований — этнографические, лингвистические, антропологические, археологические. Его научное наследие не потеряло своего значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 410.
 Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 411.
 Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 2.
 Дневник Г. Г. Манизера в путешествии в Южную Америку (рукопись).
 Научный Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а.
 Научный Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 286.
 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1917. Д. 164.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 72.
 СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 195. Л. 2.
 СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915). Д. 63.
 Широкова Г. Г. Жизнь Генриха Генриховича Манизера по воспоминаниям сестры (рукопись).
 Fjelstrup Theodore, 1911–1927, Box 24, Ales Hrdlicka Papers, National Anthropological Archives, Smithsonian Institution.
 Батоцыренов Э. А. Деятели Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2015. 184 с.
 Волкова Т. В. Неизвестный источник по этнографии кадиувеу (Бразилия) // Открытие Америки продолжается. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 3. С. 182–198.
 Дридзо А. Д. Буэнос-Айрес, начало века (Записки путешественника) // Латинская Америка. 1992. № 7–8. С. 119–125.
 Дридзо А. Д. По Северо-Востоку Бразилии, начало века (записки путешественника) // Латинская Америка. 1993. № 3. С. 110–116.
 Дридзо А. Д. Аргентина и Чили в путевом дневнике Ф. А. Фиельструпа // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1996а. Вып. 4–5. С. 262–275.
 Дридзо А. Д. Путешествуя на «Сармьенто» // Латинская Америка. 1996б. № 2. С. 109–115.
 Дридзо А. Д. Путешествуя на «Сармьенто» II // Латинская Америка. 1996в. № 10. С. 112–117.
 Дридзо А. Д. Путешествуя на «Сармьенто» III // Латинская Америка. 1997. № 6. С. 114–118.
 Дридзо А. Д. Куба в путевом дневнике Ф. А. Фиельструпа (1915 г.) // Американские аборигены и их культура. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 150–157.

Дридзо А. Д. Путешествуя на «Сармьенто» IV // Латинская Америка. 2000. № 12. С. 89–93.

Дридзо А. Д. Бразилия в неопубликованном дневнике Ф. А. Фиельструпа (1915 г.) // Открытие Америки продолжается. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 3. С. 169–181.

Кармышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. М., 2002. 2-е изд. Вып. 1. С. 152–163.

Платонова Н. И. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 95–123.

Соболева Е. С. Г. Г. Манисер — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 605 с.

Стрельникова Н. И., Стрельников С. И., Стрельников К. С. Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981). Путь в жизни и в науке. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2017. 148 с.

Таксами Н. Ч. По Южной Америке. 1914–1915. Неоткрытые дневники С. В. Геймана // Сборник МАЭ. Этнография и археология коренного населения Америки. СПб.: МАЭ РАН, 2010. Т. 56. С. 271–285.

Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003. 272 с.

Фиельструп Ф. А. Поездка к индейцам терено // Латинская Америка. 1995. № 1. С. 85–90.

Фиельструп Ф. А. Путь по реке Парагваю к кадиувео // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Вып. 8–9. С. 183–200.

Фиельструп Ф. А. Кадиувео // Сборник МАЭ. Аборигены Америки: Предметы и представления. СПб., 2005. Т. 50. С. 324–345.

Cunningham I. Sh. Frank Meyer. Agricultural Explorer // *Arnoldia*. 1986. Vol. 44 (3). P. 3–26. URL: <http://arnoldia.arboretum.harvard.edu/pdf/articles/1984-44-3-frank-meyer-agricultural-explorer.pdf> (accessed: 15.04.2018).

Koz'min P. A. Flour milling; a theoretical and practical handbook of flour manufacture for millers, millwrights, flour-milling engineers, and others engaged in the flour-milling industry. Translated from the Russian by M. Falkner, Th. Fjelstrup. L.; N. Y.: G. Routledge & sons Ltd.; D. Van Nostrand Co., 1917. 584 p.

**THEODOR A. FJELSTRUP'S ETHNOGRAPHIC ROUTES
(BASED ON HIS LETTERS FROM LATIN AMERICA,
EARLY 20th CENTURY)**

A B S T R A C T. The article is based on the letters and documents from the family archives and correspondence of the participants of the Second Russian (Students') Expedition to South America in 1914–1915. These materials are indicative of the conditions under which the young scientists developed. Theodor A. Fjelstrup accompanied the American expeditions under botanist Frank Nicholas Meyer (1910) and anthropologist Aleš Hrdlicka (1912, they maintained correspondence until 1927) across Russia, as an interpreter. He learned expeditionary logistics, acquired the skills to photograph, collect, pack and transport exhibits, establish and maintain contacts with informants. In 1914, together with H. H. Manizer, he collected ethnographic and linguistic information about Caduveo, Tereno, Faia, and Kaingang Indians (Brazil). In 1915 Fjelstrup made an eight-month voyage around Latin America on board the Argentine training ship *Presidente Sarmiento*. In 1916 he delivered to Russia ethnographic objects collected by the expedition, incl. the ones from Chile and Argentina, by S. V. Geyman. The students were motivated to choose a profession (ethnography), specialty and area of research owing to their fieldwork and complicated expeditionary trips carried out under the supervision of well-trained specialists. As a Turkologist, Fjelstrup continued to practice long-term field research and to gather collections for museums.

KEYWORDS: Th. A. Fjelstrup, A. Hrdlichka, expedition, H. H. Manizer, W. W. Radloff, Museum of Anthropology and Ethnography, South America

ELENA S. SOBOLEVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: soboleva@kunstkamera.ru